

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

В.Н.Панибратов

КАТЕГОРИЯ "ЗАКОН" И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Всем, кто хоть немного знаком с методологической проблематикой исторической науки, известна дискуссионность вопроса о существовании исторических – не совпадающих в частности с так называемыми социологическими – законов и соответственно о возможности для историка как такового открывать и исследовать эти и другие общественные законы. Этот вопрос и предопределяет в основном тематику данной работы. Указанная возможность признается подавляющим большинством исследователей, но в то же время скептиков и критиков такой точки зрения тоже не мало.¹ Не вдаваясь в подробности содержания дискуссии, заметим, что она затянулась уже настолько, что пора лишний раз подумать не над подысканием аргументов "за" и "против", а над ее основаниями. В числе этих оснований главное место принадлежит философско-методологическому осмыслению природы и сущности общественного закона, что заставляет нас вновь и вновь возвращаться к великому истоку научного обществензнания – к учению К.Маркса.

2. Непреходящей научной заслугой Маркса является разработка и применение методологии и логики познания законов строения, функционирования и развития общества. Слова В.И.Ленина о том, что Маркс, не оставив нам логики "с большой буквы", то есть специального научного труда о формах и законах мышления, оставил нам логику "Капитала", полностью относятся и к категории "закон". Это – бесценное наследие, и приходится только удивляться авторам, всерьез утверждающим, что "основы современных представлений о категории закона вообще" мы черпаем у Максвелла.²

3. Прежде всего важно правильно понять место и роль Марксова

учения о закономерности общественно-исторического процесса в развитии закона как категории научного мышления. Марксистско-ленинская философия впервые вскрыла общие детерминанты человеческого сознания. В противоположность идеализму и в отличие от созерцательно-натуралистических концепций она утверждает, что "существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу".³ История категории "закон" как раз показывает, что ступени этой категории есть своеобразное отражение основных этапов развития общественно-исторической практики.⁴ Докапиталистическим классовым обществам, ремесленному производству и эмпирическому характеру научных знаний соответствовало выдвигание общей идеи закономерности и выработка таких еще не совершенных (антропо-социоморфных, синкретичных и т.д.) философских протопонятий закона как "дао" (китайская философия), "рита" (индийская философия), "логос" (Гераклит). Капитализму, промышленному типу производства, классическим формам теоретического естествознания соответствовало философское и научное понятие "закон природы" (а также - "естественный закон").

Но еще более высокий и важный уровень детерминации мышления, на который указал марксизм, это детерминация не только посредством сознательного изменения человеком природы, но и посредством сознательного изменения общественной жизни, высшей формой которого являются революционная деятельность по уничтожению классово-антагонистического строя и строительство нового коммунистического общества. Как отмечал Ленин, "законы внешнего мира... суть основы целесообразной деятельности человека".⁵ Это верно применительно к природе и к обществу. Свобода и целесообразность в общественно-преобразующей деятельности не в меньшей мере, чем в сфере производства и природопользования определяются законами общества, их познанием и возможностью использования. Но законы общества неизмеримо сложнее законов природы, и еще более сложно их познание и целенаправленное использование. Вся эта деятельность возможна лишь на базе диалектико-материалистического понимания истории и именно ей соответствует марксистский этап истории категории "закон".

4. Каково же содержание Марксовой концепции общественного закона, проливающее свет на предмет дискуссии об исторических законах? Если попытаться ответить максимально кратко, то следует сказать, что этим содержанием является утверждение диалектичности

каждого закона самого по себе, как сложной системы, и в его связях с другими законами. Ближайшим образом это видно уже в понимании Марксом гносеологической природы законов науки. Научный закон для него не тождествен определенному суждению, под которое непосредственно подводится вся совокупность фактов соответствующей области познания. Взятое само по себе такое суждение есть лишь абстрактная формула закона. Ее "изобретение" есть лишь первая ступень в достижении конкретного знания, и подобно тому как в географии после открытия материка, острова или другого объекта требуется едва ли не более трудная работа по его исследованию, так и открытие закона не исчерпывает задач науки. И это сравнение тем вернее, чем о более общем законе идет речь. Дело здесь не только в том, что наука "не устаёт спрашивать", почему открытые ею законы именно таковы, а не иные. Еще до этих вопросов обнаруживается, что абстрактная формула закона неприменима к объяснению конкретных явлений, более того - она находится с ними, как правило, в противоречии. Как известно, Д.Рикардо (и не только он) столкнулся с таким противоречием, сопоставляя закон стоимости с фактами одинаковости прибыли при разных количествах живого труда, и вынужден был пожертвовать законом ради спасения фактов. В противоположность этому Маркс исходил из того, что объяснить конкретные факты через общий закон можно лишь "при помощи целого ряда посредствующих звеньев"⁶ и с учетом условий, неизбежно модифицирующих его действие. Вот почему, говоря о политической экономии, Маркс писал: "Задача науки состоит именно в том, чтобы раскрыть, как закон стоимости прокладывает себе путь".⁷ Вот почему в своих исследованиях он осуществлял двойной путь - выведение общей формулы закона как результат движения от конкретного (фактов) к абстрактному и исследований на этой основе противоречий существования объективного закона как движение от абстрактного к конкретному. Это особенно наглядно представлено в "Капитале", в анализе динамики нормы прибыли, где четко выделены две фазы исследования закона тенденции нормы прибыли к понижению - фаза "закона как такового" и фаза закона как тенденции.⁸

5. В соответствии с гносеологическими характеристиками общественных законов находятся их онтологические характеристики. Противоречия существования закона, вся цепь опосредствующих его реализацию звеньев не есть нечто внешнее, чуждое закону. Это и его собственное содержание, его "образ жизни". Объективные законы не есть предельно тощие, одномерные схемы и алгоритмы бытия. Это связи и отношения живой действительности, обладающие всем богатст-

вом диалектических определенностей. С максимально возможной для отдельно взятого понятия полнотой диалектичность общественного закона выражена в Марксовом определении его как тенденции, которое синтезирует отражение таких диалектических атрибутов закона как включенность во всеобщую связь и обусловленный этим элемент неопределенности в существовании и действии конкретных законов, подчинение принципам исторического становления и развития, определяющая роль системных законов по отношению к возникновению, функционированию и развитию соответствующих целостных образований⁹.

В литературе достаточно полно рассмотрена та часть философского наследия Маркса, которая касается определения общественных законов как тенденций, а также системного взаимодействия конкретных законов между собой. Значительно меньше изучено понимание Марксом каждого закона как особой системы, элементами которой в принципе могут быть другие законы. В известной мере эта задача сегодня решается в широко развернувшихся за последние два десятилетия исследованиях механизмов действия и использования общественных законов. В рамках этих исследований подвергаются критике взгляды, согласно которым закон есть только простое отношение,¹⁰ выдвигаются положения о том, что "не только совокупность законов, но и каждый закон общества представляет собой целостную саморазвивающуюся систему"¹¹.

6. Перечисленные гносеологические и онтологические характеристики относятся ко всем общественным законам независимо от выделения из их числа специфически-исторических. Вместе с тем, на наш взгляд, как раз эти характеристики дают целый ряд оснований для такого выделения и для решения в общей форме вопроса о соотношении этих законов с так называемыми системными и подсистемными: социологическими, экономическими и т.д.¹² В самом деле, из того, что каждый системный закон имеет реальную историю своего становления, что он сам представляет собой некоторую систему, что его существование есть цепь посредствующих звеньев, развернутых не только в пространстве, но и в историческом времени, что, наконец, задача науки не только в открытии закона, но и в исследовании способа, каким он "прокладывает себе путь" - из всего этого с необходимостью следует, что без исторической науки не может быть достоверного и полного знания ни о каком системном или подсистемном законе. "Любой, даже самый абстрактный, социологический закон является также и историческим законом, во-первых, в том смысле, что, обладая длительностью действия, он не остается неизменным, и, во-вторых, как результат сопоставления анализа и обобщения определенного исторического опыта, практики повторяемости"¹³. Поэтому ис-

торическая наука – полноправный соучастник познания этих законов. Как пишет Е.М.Жуков, "историческое исследование имеет своей теоретической задачей отнюдь не подбор иллюстраций к действию общесоциологических закономерностей, а выяснение механизма их действия в тех или иных конкретно-исторических условиях. Фундаментальные различия времени и места, материальных условий функционирования данного общества нередко влекут за собой не только изменение формы проявления общих закономерностей, но и эвентуальное повышение или, наоборот, ослабление их эффективности"¹⁴. В силу своей специфики история отражает эти законы не со стороны их всеобщего содержания и формы. Хотя это всеобщее может имплицитно присутствовать в историческом знании, но его вычленение есть дело социологии, политической экономии и других наук. Вместе с тем, история не останавливается на протокольном констатировании единичных явлений, а посредством сравнения, обобщения отражает эти законы на уровне их особенного бытия, то есть как существенную связь явлений, относящихся к совершенно конкретному по качественной и пространственно-временной определенности обществу. И эта связь, в силу того, что в ней присутствует так или иначе не только всеобщее содержание и форма системного или подсистемного закона, но еще и нечто специфицирующее (в частности, вытекающее из тех самых "фундаментальных различий времени и места, материальных условий", о которых говорит Е.М.Жуков), как раз и представляет собой исторический закон¹⁵.

7. Вопрос о существовании специфически исторических законов и их соотношении с социологическими и другими законами общества достаточно сложен и отнюдь не является чисто академическим. Для примера обратимся к некоторым его решениям и иллюстрациям. Так, согласно А.Я.Гуревичу и А.К.Уледову, исторические законы "богаче социологических"¹⁶. Нам представляется, что столь категоричное суждение неверно. Истина состоит в том, что в одном отношении богаче исторические законы, а в другом – не менее важном – социологические. Рассмотрим пример, касающийся закона классовой борьбы. Довольно часто можно встретить утверждение, что впервые он открыт французскими историками первой четверти XIX века¹⁷. Но это утверждение, мягко говоря, некорректно. Они открыли конкретный исторический закон, согласно которому движущей силой французской антифеодальной революции была борьба дворянства и третьего сословия. Это было крупным достижением, шагом вперед в сравнении с простой констатацией борьбы классов, как факта, о котором сам Гизо писал, что "это – самый простой факт" и "нет никакой заслуги за теми, которые его видят, но почти смело отрицать его"¹⁸. Но, тем не

менее, это открытие было лишь предвосхищением социологического закона классовой борьбы. История науки изобилует примерами подобных предвосхищений, но каждый такой пример в то же время показывает, что предвосхищение и реализация отделены, образно выражаясь, пропастью, преодоление которой требует революционного скачка теоретической мысли. Французские историки не имели научного понятия классов, объясняли их возникновение насилием и завоеваниями. Они не могли уже поэтому открыть борьбу классов как социологический закон. Тем более они не могли видеть тенденции и перспективы этого закона. Вот почему Энгельс писал: "Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба - совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области - в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена"¹⁹.

-
- I. См. об этом: А.К.Уледов. Социологические законы. М., 1975; В.В.Косолапов. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.
 2. См.: А.Маилов, М.Хасанов. Философские категории и познание. Ташкент, 1974, с.219.
 3. Ф.Энгельс. Диалектика природы - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., т.20, с. 545.
 4. Подробнее об этом см.: В.Н.Панибратов. Категория "закон". Проблемы истории и объективно-диалектического содержания. Л., 1980.
 5. В.И.Ленин. ППС. Т.29, с. 169.
 6. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 187-188.
 7. Там же, т. 32, с. 461.
 8. См. там же, т. 25, ч. I, с. 231-292.
 9. Подробнее о Марксовом определении закона как тенденции смотрите нашу работу "Категория "закон". Проблемы истории и объективно-диалектического содержания".
 10. См.: Г.М. Григорян. Механизм действия экономического закона социализма (вопросы теории и методологии). М., 1980.
 11. А.Ф.Яцкевич. Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск, 1982, с. 36.
 12. П.Большаген, А.К.Уледов и другие авторы используют терминологию

гию, по которой законы общества как целого называются системными или социологическими, законы отдельных сфер общества называются подсистемными, а исторические законы – надсистемными. См., например, вышеуказанное сочинение А.К.Уледова.

13. Е.М.Жуков. Очерки методологии истории. М., 1980, с. 68.
14. Е.М.Жуков. О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей. – "Вопросы философии", 1977, № 4, с. 54.
15. Здесь нет возможности показать и другие подходы к выделению исторических законов, как это сделано, например, в работах: А.Я.Гуревич. Общий закон и конкретная историческая закономерность. – В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Л.Е.Кертман. Законы исторических ситуаций. – "Вопросы истории", 1971, № 1.
16. См. указанные сочинения этих авторов.
17. См., например: В.В.Кослапов. Методология и логика исторического исследования, с. 66.
18. Цит. по кн.: Г.В.Плеханов. Соч., М., 1928, т. 11, с. 294–295.
19. Ф.Энгельс. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К.Маркса "Восемнадцатое брошюра Луи Бонапарта". – К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, с. 259.

В.М.Массон

УЧЕНИЕ К.МАРКСА О СПОСОБАХ ПРОИЗВОДСТВА И ЭПОХА ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1. Под цивилизацией следует понимать социально-культурные комплексы или социально-культурные общности, формирующиеся на определенной стадии общественного развития и принимающие специфические формы в разные исторические эпохи. Классики марксизма-ленинизма употребляли понятия "древняя цивилизация", "буржуазная цивилизация", ряд работ советских исследователей посвящен проблеме коммунистической цивилизации (М.П.Мчедлов). Исторический подход, выделение эпохальных типов цивилизаций (рабовладельческий тип цивилизации и т.д.) в данном случае принципиально отличен от подходов западных исследователей и, в первую очередь, А.Тойнби, гносеологически опирающихся на гипертрофию реальных явлений и развивающих культурно-исторический релятивизм, отрицающий общие закономерности исторического процесса.

2. Новые археологические открытия и успехи в дешифровке древних систем письменности ярко характеризуют как особое, эпохальное